

Сказка

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Сказка СКАЗКА

Наш кулик расхвастался чего-то –
расхвалил кулик свое болото.

Говорит:

– Полсвета обойдешь –
лучше нашего болота не найдешь.

Где еще так топко и так вязко,
так искусно выстелена ряска?

Где так ярко светятся гнилушки,
и так сладко квакают лягушки?

А лягушки выпучили глазки –
все на свете передают огласке,
все на свете передают огласке –
то ли это сплетни,
то ли сказки...

– Говорят,
меж нами,
повседневно
не лягушка скачет,
а царевна.

Вон она!

Сидит на мокрой кочке,
на мясистом жилистом листочке.

– Погляди-ка!

Как на нас похожа! –
Точно та же лягушачья кожа,
лапки,
глазки –

ну как есть такая ж!

– Ничего ты в ней не понимаешь.

Погоди.

Однажды,

темной ночью,
пролетит стрела над этой кочкой.
А потом –
Иван-царевич явится.
Он поверит,
что она – красавица,
что навеки поселиться стоит
в тереме,
какой она построит,
и что в целом мире нет вкуснее
пирога,
состряпанного ею.
Улыбнется,
скажет:
– Веселися,
свет мой,
дорогая Василиса.
Вот тогда царевна сбросит кожу,
на лягушку станет не похожа.
Пойдет плясать –
от ее взора –
разольются вокруг светлые озера.
Топнет ножкой раз –
и с ней рядом –
зацветет земля свежим садом.
Поведет рукавом, рукой правую –
серы-гуси, белы-лебеди заплывают.
Поведет рукавом, рукою левую –
заворкует сизый голубь с голубицей белою.
С ней Ивану поживать – не нарадоваться.
А добра наживать – не понадобится.

Так лягушки квакали намедни.
А другие перебили:
– Бредни.
Что там напридумывали люди!
Не было такого

и не будет.

Ведь давным-давно известно свету,
что Иван-царевича-то –
нету.

– Ну, а если б выискался кто-то?

Для чего стрелять ему в болото?

Для чего топтаться между кочек?

Мало, что ли, маменькиных дочек?

-Терем, говоришь, нагородила?

У него на синем море – вилла.

И тортов ему не надо,

кроме

тех,

что продаются в гастрономе.

Ни озер,

ни лебедей,

ни сада –

никаких премудростей не надо.

– Для чего ж кружить, мои подружки,

голову

молоденькой лягушке.

Как она задумалась, бедняжка!

Ей от этих дум живется тяжело.

Почему она молчит часами?

– Никогда не поболтает с нами.

– Не играет с нами в чет и нечет.

– Лягушачью икру не мечет.

– Ишь она! –

в лягушки не годится,

а в царевны вздумала рядиться!

Мне б тогда уйти своей дорогой,

кулику сказать:

– Меня не трогай!

Лягушачьи сплетни слушать хватит!

Всяк кулик свое болото хвалит.

Мне ж к своим делам необходимо...

Почему-то

не прошла я мимо,
почему-то
отыскала кочку,
где сидит лягушка на листочке.

Отыскала – и спросила:

– Верно –

будто не лягушка ты –
царевна?

Покосясь на лягушачью стаю,
мне она ответила:

– Не знаю.

Если сказку выдумали люди,
обязательно такое будет?

Все уже сбылось на белом свете –
самолеты качает ветер,
обернулись леса городами,
а пустынные степи – лесами,
на рябине выросли груши,
расплескались моря по суше –
все на свете сказки – былью были.

Только вот лягушку позабыли.

Или больше силы нет в народе?

Ко двору прикован да колу?

– Как живешь,

Иван-царевич?

Где ты бродишь?

Бережешь ли ты

свою стрелу?

1941-й.

* * *

Начиналось с медных труб.

А потом –

В огонь и в воду.

Навзничь.

Удивлённый труп,
Обращённый к небосводу
Неиспытанным лицом,
Был началом –
Не концом...

1945

* * *

Смеётся девчонка семнадцати лет.
Смеётся в землянке, приникшей к земле.
Видать, её шуткой какой-то поддели –
Смеётся девчонка в потёртой шинели.
Осколки мороза с полы отряхнув,
Промокшие ноги к огню протянув,
Смеётся девчонка, в ладонях сжимая
Горячую кружку с промасленным чаем,
И капли с ушанки роняя на лоб...
Смееётся девчонка.
Смеётся взахлёб.
Со вкусом,
Со вкусом,
Да так откровенно,
Как только девчонки умеют, наверно.

1945

* * *

Слепой солдат в шинельной рвани,
Собрав «спасибо» по куску,
Перебирает на баяне
Свою незрячую тоску.
Без поводырьего совета
Вошёл в теплушечный покой,
Закинув голову к рассвету,
Где – кажется – его рукой
Раскрыты облаков страницы,

И, воспевая злую боль,
На телеграфных строчках птицы
Сидят, как «до», «ре», «ми», «фа», «соль».

1945.

* * *

Я всё хочу спросить:
Не забыл ли ты,
Как поднимались,
Тяжко примяты,
Дорожные, выносливые цветы,
Пропыленные, как солдаты.

И когда, подкошен
Над перезрелой травой,
Мальчик,
Что роту повёл за собой
По сердцебиению –
Не по чину,
Падал,
Судорожно стебли зажав в горсти,
Они не переставали расти,
Умудрялись цвести
И нас красоте учили...

1959.

* * *

А мне такое видится:
Как будто день за днём
Обученной медведицей,
Нелепо,
косолапо,
Стою на задних лапах
На шарике земном.

Он крутится,
Он вертится,
Он мне грозит –
«Свалю!».
Грозит, а мне не верится.
А я себе стою.
И бьёт в ладоши публика.
И думает спроста,
Что я за ради бублика,
Что я боюсь хлыста.

А я борюсь отчаянно.
А я – сама хочу.
Нарочно ли,
Нечаянно,
Но шар-то я кручу...

Ах, был бы он ровнее! –
Хребет не стала б гнуть,
Левее ли,
Правее –
Не штука бы шагнуть.
Но я всегда по струнке,
Всегда, всегда по кромке.
И бьётся хрупкой струйкой
Дождь барабанный громкий.
И все планеты вертятся –
Слепят, следят за мной.

И я –
Большой Медведицей –
Вращаю шар земной.

1961.

* * *

А степь на нас во все свои цветы
Испуганно глядела,

Изумлённо.

– Да разве у людей бывает так?

И небо

Свой бездонный, раскалённый,

Единственный,

Уставило зрачок.

– Да разве так бывает у людей?

А мы с тобой не ждали,

Не гадали.

А мы с тобой опять не рассчитали.

У стен есть уши,

У степей – глаза.

Глаза.

Они почти что голоса.

Всё те же хоры,

Те же уговоры.

– Да разве у людей бывает так?

Бездумно.

Бесполезно.

Безвозмездно.

Бывает, степь.

Бывает.

Приглядишься.

Увидишь –

Даже у людей бывает.

1962.

• **Надпись на долгоиграющей пластинке**

Владимиру Львову

Да здравствует голос поэта!

И здравствует, здравствует он.

Хотя бы поэт погребён,

утешен уже,

усмирён.
И нет его, кажется, нету.
Но где-то,
и в зиму и в лето,
но где-то,
далёко и близко,
в мерцании чёрного диска,
над вечным мельканьем времён
всё здравствует голос поэта,
всё властвует голос поэта...

Я думаю часто про это
над чёрным мерцанием диска,
под суетный шорох времён,

1962.

* * *

Ах, сколько было «недо...»
И сколько было «не».
Но сколько было неба!
Да только не во мне.
А сколько солнца было
В зените ясных дней.
Оно меня дробило
На множество теней,
На зайчиков зеркальных,
Ручьёв искристый плеск,
Оркестров погребальных
Неутомимый блеск.
Слепило
И томило,
Манило излучать...

Пока не проступила
Сургучная печать.

1964.

• Первый свет

Всё начиналось с синевы,
В голубизну переходящей,
Меня вбирающей, летящей,
В меня глядящей синевы.

В меня.

И начиналась я.

Внезапной синеве внимая,
Себя от света принимая,
Воспринимая в нём себя.

Потом мне просто объяснят
Про деревянные качели,
Что на крюке они висели
В дверном проёме,
Про балкон
Над морем
И про горизонт.

И я поверю без оглядки
В прямолинейные порядки.
И в этом будет свой резон.

И в этом буду тоже я,
Не смеющая удивиться,
Умеющая уместиться
В квадратной раме бытия.
Где свет измерен,
Где извне
Вползёт устойчивая ясность.

Когда б не к той голубизне
Младенческая сопричастность.

1968

• Свет второй

В квадратном мире,
В угловом
Та первородная синица
Своим мерцающим крылом
Не даст беспечно угнездиться.
Всё будет прорасти дичком
Над прямодушною судьбою
Гусиной кожей,
Синячком,
Височной жилкой голубою.

Над плоскостями битых карт
Так это будет длиться, длиться...
Пока однажды
Белый март
Той синевой оборотится.
Опять внезапный,
Он меня
Повергнет в свет,
Подвергнет свету,
Воздаст за беспросветность эту,
Меня собой обременя.

Чтоб мне нести –
Во мне расти –
Тревожно,
Бережно,
Греховно
Свет,
Обретённый во плоти,
С которым я единокровна.

1968

• **Молитва**

Только усталый достоин молиться богам.
Николай Гумилёв

В повторимом, как в цепях.
Вместо звука звон кандалный.
Всенародной наковальней
день стоит.
За взмахом взмах,
за звеном звено в звено —
повторенья,
повторенья.
Господи!
Твоё творенье
в повтореньях,
как впотьмах.
Как в кино,
как в домино —
к бланшу бланш
мелькают кадры,
к масти в масть
ложатся карты,
карточки в отделе кадров —
в графы всё разнесено.
Где же, Господи, просвет? —
вспышка, вздох?
Уже одышка.
Перетоптана дорожка.
Обкаталась.
Где же след?
Пусть не целая ступня —
хоть бы три полоски птичьей —
одинарное обличье,
искра истинного дня.
Господи!
моя беда,
что была неутомима,
повторимостью гонима,
повторялась без стыда.
Господи!
Моя вина,

что не грань –
стиранье грани
до нуля,
не страсть – старанье,
не страданье, а страда.
Если я Твоё творенье,
дай мне муку искупленья,
дай мне то, что мне дано,
дай разбить одно звено.
Если я Тебе видна,
дай мне веру не в оправе.
Я уже молиться вправе.
Видишь –
я утомлена.

1968

* * *

Снова день – щербатая ладья,
Словно строчка – ломкий капиллярник.
О корягу донную ударит,
Порыжелым гвоздиком грызнёт –
И гремишь зубами, как малярник,
Из-под шубы празднуешь озноб.

Эта шуба – лысая овца,
Эта тряска – хриплая телега,
Вы откуда?
Из какого века?
Топот вислобрюхого коня,
Синева бездомного ночлега –
Из которой прожитой меня?

Прожитой...
Опять, как эмбрион,
Подогнув и локти и колени –
Голокожий неколючий ёж –

В ожиданье истинных движений,
В немоте,
Во тьме,
В утробной лени
Торкнешь в стенку пяткой
И замрешь.

1968.

Бялосинская-Евкина Нина Сергеевна

Дата рождения 1923,

Место рождения Севастополь, Дата смерти 2004,

Место смерти Москва

Нина Сергеевна Бялосинская-Евкина родилась в Севастополе. Обе части своей фамилии унаследовала от отца, Бялосинского Сергея Ивановича, взявшего псевдоним Евкин при отступлении во время Гражданской войны – по приказу командира, т.к. в Севастополе оставались семьи; псевдоним он произвел от имени жены Евы Львовны. В детстве жила с родителями в Севастополе, Саратове, с 1931 г. – в Москве. В 1941 г. окончила 167-ю школу и поступила в ИФЛИ. После закрытия института вместе с матерью уехала в эвакуацию в г. Туринск Свердловской обл. В 1942 г. вернулась в Москву, служила в Центральной военно-технической школе дрессировщиков: сначала вольнонаемной, потом красноармейцем. В 1944 г. ушла на фронт, в октябре того же года демобилизовалась и поступила на филологический факультет МГУ, который окончила в 1949 г. С 1950 г., будучи методистом Центрального ДК железнодорожников, объездила чуть ли не всю страну. Член Союза писателей СССР с 1962 г., после распада СССР – член Союза писателей Москвы. Умерла в Москве. Goşgular